

***

Когда дни уплывают
и о завтраке думаешь больше,
чем о красоте Гранд-канала,
покачивается трамвай
на расстоянии
привязанного каната.
Оставляешь Мадонну
по правую руку,
по левую – Сан-Микеле,
белые буруны
венецианской метели
следуют за мотором,
ветер тянет хорал и
вырастают дома
рукотворным кораллом
и вода зеленеет стеклом –
город спрятан в бутылку и
у гостей
собирает усталые взгляды
и пыль и
резкий свет фотокамер.
И прячет латунную гриву
Лев в руке у тебя
при входе в отель у залива.

***

В детском раковом отделении
у кровати больного иконки, святая вода
в пластиковых бутылках и апельсины.
Когда кто-то здесь умирает,
матери думают –
Слава Богу не мой –
словно приносят в жертву чужого козленка
до стерильности вымытыми руками.

Дом моего деда охранял пёс —
 белый большой полуволок;
 когда он был, таким же как я, щенком,
 он вставал на задние лапы,
 становился выше меня,
 облизывал и обнимал
 до падения и наспинных царапин.

Дед никогда не спускал его с цепи,
 разве что когда забирал пенсию с почты.
 «Копейкам нужна охрана» — говаривал он.

Когда жёнки не было в городе,
 дед возвращался домой
 и пёс бегал кругами,
 радуясь первому солнцу.

Дед шагал всегда быстро-быстро,
 поэтому, когда сверху окликнули,
 только сердце остановилось.
 Пёс — тоже —
 он сузил круг, зарычал,
 отгоняя от деда чужих,
 хотевших помочь.

Так до вечера,
 пока бабка моя не вернулась,
 он ходил вокруг деда,
 ровно на расстоянии старой цепи,
 и защищал
 то ли мёртвого его,
 то ли живого.

На окраине города, у времени на краю,
 где корни домов сплетаются, и на крышах
 вырастают деревья и ветер, дующий на юг,
 как на детскую ранку, крону их тихо колыхает;

лепестки облетают, лепечут о чём-то таком,
 что к полудню на них высыхает лете́йская влага;
 а мы к жизни репеем цепляемся и тайком
 едем в светлое завтра на белой трехногой дворняге.